

ЯСНЫЙ СВЕТ

*«Зорко одно лишь сердце.
Самого главного глазами не увидишь».*

Антуан де Сент-Экзюпери

За свои пятьдесят с половиной лет я повидал многих людей. С кем-то даже дружил, кого-то считал товарищем. Кто-то так и остался для меня просто знакомым. А вот Глеб был мне настоящим другом все эти годы.

Он всегда дома. Особенно зимой. Летом, бывает, вытащится на прогулку. Но и тогда его можно легко найти возле дома. Далеко он не забредает. Глеб слепой.

Обычно я предупреждаю его, что приду, звонком по телефону. Но могу прийти и без звонка.

- Здорово, старик, – приветствую я друга, заходя в его комнату.

Он стоит у окна, ко мне спиной, но я знаю – он рад. К нему мало кто заходит. Как и ко мне. Мы оба – старые холостяки.

- Здравейте, – шутливо отвечает мне спина Глеба. Я знаю, что он сейчас улыбается. По правде говоря, никого он не видал с самого рождения. Ни здоровее, ни дохлее.

Его старушка-мать, открывая дверь, спрашивает, буду ли я с ними обедать. Я благодарю и отвечаю, что сыт.

- Ну, от чая-то ты не откажешься, – замечает Валентина Дмитриевна.

Она права.

Люблю эту маленькую семью. Глеб и его мама. В этом доме я свой, родной. У них как-то по-особенному хорошо. Спокойно, тихо, уютно.

- Что у тебя нового? – Негромко спрашивает Глеб. Он курит, сигаретный дым тонкой струйкой течёт от его пальцев к приоткрытой форточке.

- Да так, ничего. Мелочи...

Я отвечаю другу – а сам в это время думаю, что за время, прошедшее с моего прошлого посещения, и впрямь ничего не произошло в жизни. Почти ничего.

- Никак не могу в режим нормальный войти. Почти до утра сижу, сам себя убеждаю, что работаю. Но пишется мало, вяло, тяжело.

- Отдохнуть тебе надо, писатель. Отключиться от всего. Обстановку сменить. Или влюбиться без памяти. Тогда и оживёшь.

Глеб поворачивается ко мне. Дома он всегда без тёмных очков, и я вижу, что его глаза закрыты. Но он всё чувствует и прекрасно слышит душой, позорче многих зрячих.

- Не смейся, старый. Кому я нужен? И кто нужен мне? – Говорю я, смотря в закрытые глаза друга. – Ты прав, обстановку сменить надо. Свежие впечатления, новые места, другие люди, разговоры... Мне нужен новый материал для книг. Записывай, Глеб. Приходишь домой, делаешь чай, садишься в кресло, а вокруг тишина. И сам не знаю, что это: одиночество или свобода.

- Ребята, чай готов. Вам сюда принести или на кухню пойдём?

Валентина Дмитриевна любит смотреть, как мы с Глебом пьём чай с ватрушками, любит слушать, как мы разговариваем.

- Мам, на кухню.

Глеб тушит сигарету, и мы идём за его мамой.

Иногда ко мне приходит мысль, что ведь он, наверное, тоже видит сны. Никогда, ни разу не видя нашего цветного мира, Глеб, может быть, смотрит очень интересные сновидения. Почему нет? Странно, никогда я об этом его не спрашивал.

- Давай сегодня погуляем, – предлагаю я за чаем. – На улице весна. Ты когда последний раз выходил?

- Не так давно. Дней пять или шесть назад.

Он задумчиво отхлебывает из чашки.

- Там тепло?

- Там хорошо. Тепло и скользко...

Я смотрю, как спокойно и внимательно наблюдает за нами тетя Валя, и почему-то улыбаюсь.

- Я с радостью, – кивает Глеб.

Неспешно идём по бульвару. Глеб чувствует моё плечо.

- Что тебе снится, старик? – предлагаю я тему разговора.

- В смысле? А... По-разному. Иногда сплю совсем без снов.

Это чаще. А бывает, вижу какие-то картинки...

- Они цветные?

- В основном, цветные. Круги, вспышки, шары... Бывают бессвязные сны. Что-то напоминающее светящиеся ленты или дорогу. Ещё иногда снится темнота, а потом, где-то далеко, в конце этой темноты, точка света. Я иду, вроде как по пещере, к этому свету. Всё ближе, ближе... Свет увеличивается, растёт. И радость тоже увеличивается, накрывает меня волнами, с каждым шагом. Приближаюсь почти вплотную к выходу... И тут, как назло, всегда просыпаюсь. А тебе что снится?

- Да разная хрень. Бессмыслица. Если мало поужинал, то, бывает, еда снится. Или вижу себя маленьким, в детстве. Представляешь, сплю, вижу себя маленьким, а в голове, прямо там, во сне, возникает вопрос – а кто это, интересно, видит меня маленьким? Сам-то я ведь сплю...

- Ну, это не удивительно. У всех писателей мозги набекрень. Нормальные люди никогда не смогут интересную книгу написать.

- Вот это ты верно подметил. Я самый настоящий псих. Только тихий.

Несколько минут мы идём молча.

- Чего ты не женишься, старик? – Меняет тему Глеб. – Неужели нет для тебя подходящей женщины?

- Подходящие замужем. А остальные счастья ждут. Но разве я похож на чьё-то счастье? Да и привык уже жить один. И ещё как-то боязно. Вдруг начнутся разногласия, требования, недовольства... Притирки, придирки... Хорошо, конечно, полюбить и быть любимым. Но уже мало верится, что это

можно воплотить. Однажды обжёгся, ты знаешь. Закрыл душу, повесил ржавый замок, ключик выкинул. Всё чаще приходит мысль: а пошли они все на ... Вот они и идут. Мимо, мимо...

- Это не они мимо идут, Виталя. Это ты закрылся от всех, ушёл от страха и боли, смирился со своим одиночеством.

- Думаешь, мне плохо, Глеб? Да, может быть, я самый счастливый на свете человек! Никому от меня ни вреда, ни страданий. У меня есть любимое дело, мои книги. Пока ещё и здоровье в порядке. Доживу свой век без потерь и страстей, и слава Богу...

Грустно усмехнувшись, Глеб трогает меня за плечо, и мы поворачиваем назад, к дому.

- Жаль мне тебя, Виталя, – говорит друг. – Я слепой, но счастливый. А ты несчастный и трусливый.

- Поясни.

- В то место, где всё у тебя приспособлено для любви, ты напихал... всё, что угодно. Там не осталось места только для любви. И в этом состоянии живёшь, будто так и надо. А кому это надо? Тебе? Я не уверен.

- Ну, ты, старик, даёшь! Прямо психолог...

Я чувствую, что Глеб прав, но мне нужно хоть что-то ему ответить.

– А твоё счастье – в чём оно?

- Сердечную боль способна исцелить только сердечная радость, – загадочно отвечает слепой.

- Давай-ка с этого момента поподробней, Глеб. Колись уже. Что это у тебя за внезапная сердечная радость появилась, откуда ни возьмись?

Я и впрямь заинтригован.

- Ты думал, что я самый несчастный инвалид из-за того, что не могу видеть? Отвечай правду – думал?

- Ну, было такое...

Врать слепому неловко, да и бесполезно. Глеб чувствует людей сердцем.

- Так вот, ты ошибся. Самый счастливый человек на свете

– это не ты под своим ржавым замком. А я. Потому что я ждал и дождался.

Он зачем-то снимает свои чёрные очки.

Я терпеливо молчу, пытаюсь понять, к чему клонит Глеб.

- Я встретил её...

- Глеб, не тяни. Кого ты дождался и встретил?

- Её. Свою единственную.

- Где? – я ошарашено вглядываюсь в закрытые глаза друга.

- В обществе слепых. Я почувствовал её. Она так приятно пахнет... И голос такой, о котором я и мечтать даже не мог. Тихий, нежный...

- Так вы встретились в библиотеке для слепых?

- Да, Виталя. Ты не представляешь, мы не могли наговориться. Потом слушали музыку. Расставались с трудом. Я почувствовал в ней своё, родное. Она теперь – мой ясный свет. Мы держали друг друга за руки и трогали за плечи. У неё такие ласковые руки и нежное тело.

- Глеб, да ты настоящий мачо! Породистый жеребец! Первый раз встретились – и уже трогали друг друга. Круто!

Я шучу, но и сам в шоке от признания друга. И в неподдельном восторге.

- А чего медлить? Я сразу понял: она моя судьба. Нас тянет друг к другу. Сегодня утром она уже звонила мне. Скучает.

По лицу Глеба блуждает огромная, по-детски счастливая улыбка.

Я понимаю, что ему безумно приятно делиться сейчас со мной своей радостью. И никак не могу понять, кто из нас сейчас счастливей, он или я. Всё-таки, наверно, я. Потому что такой радости за друга я не испытывал ещё никогда. Слепой от рождения, пятидесятипятилетний одинокий мужик встретил свою любовь! Всю свою жизнь проживший с матерью, в четырёх стенах. Не видящий ни света, ни людей, ни даже солнца!

Всю дорогу до дома Глеб рассказывает мне о своей

возлюбленной. Оказывается, её зовут Наташа и она тоже слепа с рождения. Моложе его на пятнадцать лет. Одинока. Мать её спилась и давно умерла. А сама Наташа живёт со своим отцом, в другом районе города.

Я слушаю друга и думаю, что он прав. Место в сердце, предназначенное для любви, нельзя занимать чем-то другим. Пусть даже прекрасным и полезным. Нельзя заменить любовь ни творчеством, ни развлечениями, ни зарабатыванием денег. Сердечная боль и одиночество лечатся только одним лекарством – любовью.

Так сказал мне сегодня Глеб. Он это смог увидеть раньше меня. Значит, слепой был не он, а я. Но сегодня, благодаря счастью моего старого друга, я прозрел.

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ БОГОМ

- Ну, теперь ты...

Нетерпеливо, в предвкушении умственного удовольствия, Лысый потёр ладони и приготовился слушать.

- Если бы я был богом, – спокойно и задумчиво начал Данила Романов, – то первым делом приготовил бы тазик тёплой воды, какой-нибудь самый ароматный шампунь и белоснежную мочалку средней жёсткости...

- И что? Кого ты драить-то собрался, псих? – Тут же встрял в монолог Абрек. Он оторвался от разглядывания ногтей на ногах и уставился на Данилу.

- Взял бы нашу планету в руки и начал отмывать, – медленно, негромко, но очень уверенно продолжил Романов. – Мыл бы её долго и тщательно. Крутил бы этот шарик в мягких и тёплых ладонях, шоркал бы мочалкой с пеной, мыл до чистого скрипа. Из каждого закоулочка, из каждой дырки всю грязь бы повыковыривал. Поменял бы воду несколько раз... А потом выполоскал планету до ослепительной чистоты, чтобы она

благодарности. И сияла, как новенькая медаль.

- Что ж, это я даже очень легко могу себе представить, – сказал Лысый. – Ну, а людей, зверьё всякое, летающих и плавающих тварей куда бы ты дел? Утопил, что ли?

- Я бы их сначала расчехлил, а затем вернул на чистую планету.

- Как это – расчехлил? – Снова очнулся Абрек.

- Да очень просто, Руслан. Освободил бы их души от их тел. А тела опять смешал бы с сырой глиной. И весь грязный мусор, оставшийся после помывки Земли, перемешал бы в одно круглое месиво и отправил на орбиту. Чтобы была, типа, вторая Луна. Это ведь красиво и необычно – две луны на небе. Пусть там обе кружатся, как запасной строительный материал. А на Земле – никакого мусора и лишних предметов.

Лысый почесал блестящий бритый затылок.

- погоди, Данила. сразу куча вопросов к тебе... Как это – освободил людей и всю живность от их тел? А ты думаешь, им это было бы не больно? И не жестоко это, а?

- Ну, если я бог, то сумею, видимо, сделать это не больно... И считаю, что это абсолютно не жестоко. Потому что все страдания, вся людская боль и вся глупость на планете идут именно от человеческих тел. От жадности тел, похоти тел, корысти и гордыни тел. А души радоваться должны.

- Ну, допустим. А как эти твои души без тел размножаться будут? Почкованием? Икринки откладывать, саженцами расти? Или от Святого Духа плодиться?

Лысый явно заинтересовывался планом Романова всё больше. Он уже жаждал понять всё в мельчайших подробностях, до тонкостей, дойти до самой сути.

- А зачем? Вот скажи, Серёга, зачем им размножаться? Их ведь и так очень много. Если вернуть на планету все души, которые только тем и занимались в своих телах, что размножались десятки тысяч лет, то разве их будет мало? Да их даже на другие, пригодные для жизни планеты, хватит. Расселять можно...

- Ну, вы гоните, пацаны!

Абрек недоверчиво посмотрел сначала на Лысого, потом перевел взгляд на Романова, который оставался всё таким же задумчиво-спокойным.

- Всех вернуть? Умерших вернуть, из рая и ада вернуть? И поселить снова на Землю? И я бы тогда смог увидеть своего деда? И даже прадеда?

- Да. Именно так. Вот смотри, Руслан. Чего хочет любая душа? Радости и покоя, верно? А чего хочет тело? Не болеть, не страдать, вкусно жрать, почаще размножаться, весело развлекаться, и всего этого побольше-побольше. И ещё – чтобы получше, поярче, покрасивей, чем у других. Чтобы своё богатство с другими сравнивать, гордиться и хвалиться. Верно?

- Я думаю, не всякая душа хочет только жрать, размножаться и кайфовать. Есть люди и поумней, и добрей, – с сомнением в голосе, даже как-то слегка обиженно заметил Лысый.

Абрек снова начал внимательно изучать ногти своих нижних конечностей. Но по его широко распахнутым глазам всё-таки было заметно, что этот разговор интересен ему всерьёз.

- Серый! Ты невнимательно меня слушал. Я говорил о телах, а не о душах. Душа не хочет размножаться, жрать и кайфовать. Любая душа хочет радостной тишины, сладкого покоя лично для себя, и ещё она очень хочет, чтобы все остальные души тоже жили в радости и любви. Душа любого существа не хочет бояться, страдать, болеть и терять. А тело всегда чего-то хочет, ждёт перемен, одобрения, жаждет внимания и денег, ему всегда всего мало...

Абрек вопросительно посмотрел на Романова.

- По-твоему, Данила, когда все будут спокойны, довольны и счастливы, то не будет ни войн, ни преступлений, ни убийств? И всякой такой гадости, которой сейчас переполнен весь мир...

- Я думаю, да. Делить и грабить нечего, да и незачем. Все довольны, здоровы. Еды хватает, бороться друг с другом за

обладание властью, вещами и удобствами нет ни смысла, ни необходимости...

- Чистая утопия! – Заключил Лысый, безнадежно махнув рукой. – Мы это уже проходили. Братство, равенство, коммунизм... Нежизнеспособная модель. Всё равно ведь найдётся гнида, которой захочется побольше, чем у других, покрасивей, потолще и пожирней. Ну, вот, например, еда и климат. Все захотят жить в тепле, у моря, без зим, ветров и холодов. Жить сытно и подальше от соседей. А хватит на всех красивых и тёплых мест с обилием халявной еды, тепла и света? Или души тоже работать будут должны за метры жилья и кусок хлеба?

- Серёга! Ты опять забыл. Я ведь бог! Разве я чего-то не могу? Я могу всё!

Данила Романов как-то по-доброму, простодушно улыбнулся.

- Зачем душе работать? Зачем душе кусок хлеба? Зачем душе квадратные метры жилья? Душа питается добром и светом. Радостью и музыкой тишины. Шелестом листьев, ароматами цветов и бульканьем звонкого ручья. Тёплым ветерком и чистой родственной любовью к таким же душам. Вот питание души!

И, к тому же, не все души любят постоянное тепло и жизнь у спокойного моря. Кто-то любит и горы, и луга, и снежные зимы. Ведь нет ни одной похожей души. Все разные. В этом разнообразии и есть главный кайф. Природа, кстати, тоже везде разная.

Вот только при отмывании планеты от грязи человеческих построек и безумных изобретений нужно будет непременно избавиться от всех заборов, границ, перегородок, от оружия, от всех машин и механизмов. От всей этой многолетней застарелой гадости типа телефонов, телевизоров, компьютеров, вонючих автомашин, поездов, самолётов, дорог, нефтяных труб и угольных шахт. От всех электростанций и космодромов. В новом мире весь этот хлам ни к чему!

Абрек и Лысый притихли, а Романов продолжил:

- Всё, что я перечислил, назвав грязью, нечистотами и отбросами, – душам больше для жизни на Земле не пригодится. Для счастья вполне достаточно самого необходимого и естественного – света, добра, любви. Это одновременно и питание, и чистая естественная среда обитания, и необходимые условия для вечного и радостного бытия.

- А как же... – вскинулся было Абрек, но осекся под сияющим взглядом Данилы.

- Теперь о животных, рыбах, насекомых, растениях и других тварных созданиях. Их новое питание тоже исключит поедание себе подобных. Света, тепла, добра и любви в изобилии хватит на всех. Тигр не будет рвать на куски антилопу, чтобы прокормить себя и своих сородичей. Волкам не нужно будет пить тёплую кровь несчастной жертвы, чтобы насытить себя и свою стаю. Бывшие хищники перестанут быть опасными для других. Бывшим травоядным тоже не нужно будет поедать живые растения, траву, объедать кору деревьев, чтобы выжить. Повторяю, света хватит на всех...

- Но перед этим, – увлеченно вещал Романов, – я полностью обновлю все водоёмы, наполню их свежей, чистой водой. Поменяю заново атмосферу и озоновый слой. Выгоревшие и вырубленные леса вновь оживут и будут радовать взгляды всех живых существ. И обновлять кислородный запас планеты. Острый ум учёных я поменяю им на глубокую мудрость породнившихся любящих душ. Ведь раньше все открытия ученых умников всегда приводили только к одному: изобретения попадали в руки агрессивных политиканов и военных. Любое новое научное открытие приводило к строительству новых планов массовых убийств. Но это ведь это не мудрость, это тупость и жадность!

Данила вдруг оборвал сам себя – и победно оглядел своих слушателей.

Лысый закинул обе руки за голову и сладко потянулся.

- А что... Мне нравится! План нового бога Данилы Романова

предлагаю утвердить. Абрек, чего молчишь?

- И мне нравится, – кривовато усмехнувшись, ответил тот. – Только как на это посмотрят вон те ребята?

Пара плохо побритых мужиков в мятых белых халатах в этот момент как раз входила в палату, где на кроватях мирно расположилась наша троица.

- Ну! Что вы тут опять затеваете, идиоты? – с мрачным подозрением спросил ещё не похмельный с утра старший смены санитаров. - Строите планы по захвату мирового господства? Или чифирь гоняете втихаря?

- Нет, Семён Михалыч. Мы просто тихо беседуем в ожидании плановых процедур, – заискивающе осклабился Лысый. – А чего ещё прикажете делать? Чаёв нет, курица нет. Одна радость – дружеская беседа с товарищами.

- Смотрите тут у меня! – Уже спокойно и беззлобно пригрозил старший смены. И вместе с напарником повернул на выход.

- Данила, а как ты думаешь – твой план может когда-нибудь реально осуществиться? Вот я, если уж честно, не вижу в нём ни одного подвоха или ошибки. Всё четко, без осечек, –

Лысый опять потер ладони, словно в предвкушении чего-то.

- А нечего и думать. Он уже начал осуществляться. И всё абсолютно реально, без подвохов и осечек, – уверенно ответил Романов, проводив равнодушным взглядом спины санитаров.

- Как это – начал осуществляться? – Абрек повернул голову к говорившему и удивленно отвесил нижнюю губу.

- Да вот так... Начал, и всё. Скоро, уже совсем скоро случится последняя баня планеты. Всё будет сметено, уничтожено и построено заново. Люди это называют «концом света». А я это называю концом тьмы! Человечество к этому идёт. И другого выхода нет. Разве вы сами этого не видите?

- Слушай, Данила... Так, по-твоему, получается, что люди сами исполняют этот план бога? Не понимая даже, что все будут лишены тел и будут жить в новом, правильном мире?

- Серёга! Не только люди – а вообще всё и всегда следует плану бога. Даже тогда, когда это всем кажется ужасным концом. Только мало кто это понимает... Вот, например, расскажу я этот план нашим санитарам или даже умным врачам. И что будет? Мне выпишут болючие снотворные уколы. Или отправят на часок погостить в буйное отделение, на электрошок. Потом трое суток я буду спать и гадить под себя во сне. А вы – меня мыть и проклинать тот день и час, когда встретились со мной. А когда я проснусь, то никаких планов в моей башке уже не останется. Поэтому, – заключил Данила Романов, – лучше нам сейчас говорить потише, не привлекая внимания лишних ушей. Типа, мы сидим, мирно так беседуем, ждём, когда нам принесут нашу баланду...

Все трое умолкли. В коридоре привычно надрывался телевизор, в дальней палате изолятора кто-то истерично орал в бреду, накрепко привязанный к койке. Спёртый воздух затхло вонял мочой и лекарствами.

А за решётками больничных окон на поседевшую старушку-землю крупными хлопьями опускался пушистый, девственно чистый, белый-белый снег.